

Н. А. СИДАЛОВСКИЙ,
писатель, историк Петербурга

ДЕЛОВОЙ ПЕТЕРБУРГ В ЛЕГЕНДАХ И ПРЕДАНИЯХ

Идея выхода России к морю, овладевшая Петром накануне XVIII столетия, диктовалась не столько политическими амбициями молодого государя и даже не военным противостоянием с агрессивной Швецией, сколько полной бесперспективностью огромного крестьянского хозяйства страны, запертой внутри государственных границ и практически не имевшей выхода на мировой рынок.

Как известно, Азовские походы Петра закончились неудачей. И без того крайне ограниченный набор вариантов решения этой проблемы свелся к одному и безальтернативному — в 1700 году Петр I объявляет Швеции войну за возвращение исконно русских прибалтийских земель и выход к Балтийскому морю.

Только в 1721 году между Россией и Швецией будет заключен мирный договор. Но уже первые победы, одержанные Петром I над Карлом XII, позволили русским закрепиться на невских берегах. В мае 1703 года была заложена крепость, под защитой которой возник город Санкт-Петербург, едва ли не сразу ставший новой столицей Российского государства.

Петр I при каждом удобном случае личным примером утверждал преимущественно коммерческий, торговый, купеческий характер Санкт-Петербурга. В раннепетербургском городском фольклоре сохранились легенды, которые не оставляют на этот счет никаких сомнений.

Согласно одной из них, первое торговое судно с товарами привел в Петербург в качестве кормчего сам Петр I. Более того, он

пригласил заморского шкипера к себе в дом, угостил его обедом и вел себя с ним так просто, что тому и в голову не могло прийти, что он находится в гостях у царя.

В конце концов все раскрылось, и заморский купец в смущении бросился перед царем на колени. Но тот великодушно поднял его, купил все его товары и пожаловал многие привилегии на будущее время.

По другой, менее известной легенде, Петр спросил однажды у капитана заморского судна, где его лучше принимают — в Архангельске или Петербурге. «Все бы хорошо, царь, — ответил купец, — да нет в Петербурге архангельских оладий». И Петр пригласил капитана к себе домой, угостил оладьями и велел впредь всегда готовить оладьи для голландских купцов.

Наряду с иностранцами, в Петербург потянулись предприимчивые негоцианты и даровитые ремесленники из внутренних губерний. Складывалось особое сословие инициативных, энергичных и талантливых людей, к которым принадлежал и сам царь.

Культ деловой активности поощрялся и всемерно стимулировался. Имена «новых русских» первой четверти XVIII столетия уже тогда, как свидетельствует фольклор, буквально вписывались в петербургскую историю. Всем в Петербурге известен Крюков канал, прорытый еще при Петре I. Известно и имя подрядчика Семена Крюкова, прорывшего его и оставившего свое славное имя в названии канала. Но мало кому известно, как это произошло. Вот что рассказывает старинная легенда.

Петр I, покровительствуя искусству, объявил аукцион и представил собравшимся картины молодого художника Никитина. Большинство картин вскоре были раскуплены, и когда осталась последняя, государь сказал: «Эту картину купит тот, кто больше меня любит». — «Даю пятьсот!» — крикнул Меншиков. «Восемьсот», — перебил его Головин. «Тысячу», — возразил Апраксин. «Две», — прибавил Меншиков. «Три тысячи», — проговорил молчавший до того дородный Крюков. Государь дал знак об окончании аукциона, подошел к Крюкову, поцеловал его в лоб и сказал: «Отныне канал, прорытый тобой в Петербурге, будет называться твоим именем».

Заданная инерция оказалась столь мощной, что уже во второй половине XVIII века имена многих петербургских купцов стали легендарными. Их знали. О них складывали легенды. По одной легенде, купец-миллионер Горохов в 1756 году построил на Адмиралтейской улице первый каменный дом, завел в этом доме лавку и очень скоро приобрел такую известность, что местные жители стали называть свою улицу Гороховой, да так настойчиво, что вскоре официальное название «Адмиралтейская» было навсегда вычеркнуто из петербургской топонимики.

Обросло легендами и имя тверского крестьянина Саввы Яковлевича Яковлева, человека исключительно тщеславного и заносчивого. По преданию, церковь Успения Пресвятой Богородицы, более известная в народе под названием «Спас на Сенной», была основана Яковлевым. На его же деньги в Москве в 1780 году для этой церкви был отлит колокол весом более 542 пудов. Только железный язык колокола, как утверждает Пыляев, весил 17 пудов и 5 фунтов. Так вот, звонили в этот колокол только по личному разрешению купца, так как семнадцатипудовый язык был скован особой цепью, которую Яковлев лично запер на замок, а ключ держал при себе.

Со временем уже никто не сомневался в высочайшем качестве и исключительной добротности всего, что изготовлено или сделано в Петербурге. И если какое-либо строительство, потребовавшее вдруг непривычно больших временных или материальных затрат, и подвергалось в городском фольклоре остракизму, то только ради того, чтобы таким опосредованным способом подчеркнуть исключительную необычность этого строительства. В середине XIX века петербуржцы стали свидетелями трех невиданных по размаху и объему строек. Возводился Исаакиевский кафедральный собор, наводился первый постоянный мост через Неву, строи-

лась железная дорога между Петербургом и Москвой.

В городском фольклоре эта тема надолго стала дежурной.

— Говорят, одна пророчица предсказала, что Монферран умрет, как только достроит собор.

— То-то он так долго его строит.

— Император Николай Павлович распорядился повышать инженера Кербедза в чине за каждый позволенный им пролет моста.

— Ах, вот почему первоначальный проект был пересмотрен в пользу увеличения числа пролетов.

Так это или нет, сказать трудно. Но Монферран действительно умер едва ли не сразу после торжественного освящения Исаакиевского собора, а строитель Благовещенского моста, выпускник Института путей сообщения Станислав Кербедз, начав строительство и скромном чине капитана, закончил его в генеральском звании.

Неслучайно фольклор начал выполнять и неожиданные для себя, явно или скрыто выраженные рекламные функции. Это тем более замечательно, что инициатива принадлежала обыкновенному обывателю.

Своя легенда-реклама была у обувной фабрики «Скороход». В музее фабрики бережно сохраняется чудесный женский ботиночек, изготовленный из цельного куска натуральной кожи. Весит он менее тридцати граммов. Говорят, будто из-за него фабрика и получила свое название «Скороход». Медленно в таких необычайно легких ботиночках не походишь — ноги озябнут. Петербуржцы хорошо знают здание касс Аэрофлота на Невском проспекте. Построил его в стиле средневековых дворцов венецианских дождей модный в начале века петербургский зодчий М. М. Перетяткович. Дом строился для купца 1-й гильдии, крупного банковского деятеля М. И. Вавельберга. Рассказывают, что при приемке дома Вавельберг долго ходил по этажам, пытаясь найти хоть какой-нибудь изъян. Все было выполнено безупречно. Качество работ не вызывало сомнений. Наконец, поблагодарив строителей, купец направился к выходу. И тут он обратил внимание на табличку, укрепленную на дверях: «Толкать от себя». «Это не мой принцип, — заявил банкир. — Переделайте на: „Тянуть к себе“».

Фактом общественной жизни Петербурга рубежа веков стали модные и шикарные рестораны, о которых ходили легенды. В перестроенном по проекту архитектора Л. Н. Бенуа для Московского купеческого банка доме № 46 на Невскому проспекту в начале века открылся фешенебельный ресторан «Квисси-

сана». И то ли безупречная ресторанный кухня вполне отвечала высоким гастрономическим требованиям избалованной петербургской публики, то ли звучная ритмика заморского названия вызвала сложные лингвистические ассоциации, но в петербургском салонном фольклоре появилась поговорка, которую столичные щеголи той поры любили произносить по-латыни: «Mens Sana in Quisisano» — здоровый дух в Квисисане.

Недалеко от Елисеевского магазина, на Малой Садовой, 8, был знаменитый ресторан Федорова, прославившийся в Петербурге своей «стойкой». Рюмку водки и бутерброд с булениной там можно было получить не раздаваясь, всего за десять копеек. Бутерброды посетители набирали сами и только перед выходом расплачивались с буфетчиком. Уследить за всеми один буфетчик не мог. Народу, особенно по вечерам, было много, и деньги брали только за количество, названное самим посетителем. Говорили, что многие из недоплативших по недостатку средств, когда поправляли свои финансовые дела, посылали на имя Федорова деньги, сопровождая их благодарственными письмами.

Впрочем, рюмку водки в Петербурге можно было получить почти задаром и не заходя в ресторан. Водка была буквально на каждом углу. Предприимчивому купцу 1-й гильдии Василию Эдуардовичу Шитту удалось откупить право на винную торговлю в розлив практически во всех промышленных кварталах Петербурга. Кабачки и лавочки Шитта, как правило, размещались в угловых помещениях зданий, расположенных на многолюдных уличных перекрестках. Эта примечательная особенность шиттовского бизнеса не ускользнула от пронизательного взгляда городского фольклора. Во всяком случае, в Петербурге активно зажили две поговорки: «Шитт на углу пришит» и «В Питере все углы шиты».

Фигурально выражаясь, всякий фольклор, к какой бы оценочной категории он ни принадлежал, по сути своей — реклама. Будь это легенды, о которых мы уже упоминали, анекдоты, поговорки или поговорки. Даже если они носят общий характер. В трехвековом противостоянии двух столиц фольклор всегда находился в авангарде и вступал в бой всякий раз, когда появлялась необходимость в очередной раз определить место того или иного города в общественной иерархии. «Славна Москва калачами, Петербург — сигами» — это не только указатель приоритетов, но и целая философия общественной жизни. Старозаветному патриархальному московскому чаепитию с засахаренным вареньем и сытны-

ми калачами противопоставлялась кипучая деловая активность продуктового свежими ветрами современного города.

Сохранилась легенда об одной из первых реклам старого Петербурга. Молва связывает ее с именем Пушкина. Будто бы однажды к поэту пришел немец-ремесленник и попросил подарить ему хотя бы четыре строчки для рекламы своей продукции. И Пушкин тут же произнес: «Яснее дня, темнее ночи». Это якобы и была реклама производимой ремесленником сапожной ваксы.

В условиях беспрецедентной лицемерии и цинизму государственной пропаганды фольклор рождал самые невероятные легенды, смелость вымысла в которых граничила с откровенным вызовом и демонстрацией. Так, имя известного бунтаря и мятежника Степана Разина бывшему Калининскому пивоваренному заводу присвоили будто бы после того, как в 1918 году кому-то пришла в голову шальная мысль выставить несколько бесплатных бочек нива делегатам Третьего Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, проходившего тогда в революционном Петрограде. Одурев от «халявного» хмеля, новые хозяева России прервали заседание и до ночи орали любимую песню революционной братвы «Из-за острова на стрежень». В благодарность за угощение будто бы и приняли решение присвоить заводу имя славного атамана.

Желание оставить след в истории на титульных досках улиц, городов, заводов и даже магазинов было так заразительно, что в конце концов это переросло в опасную эпидемию. Чего стоит, например, верноподданническая легенда о том, что ленинградский завод «Светлана» назван в честь дочери вождя всех времен и народов Сталина — Светланы, в то время как самостоятельное производство осветительных ламп накаливания «Светлана» в составе машиностроительного акционерного общества «Айваз» существовало уже в 1913 году. Что же касается названия, то есть на этот счет две одинаково правдоподобные версии. То ли «Светлана» — название, образованное от слова «свет», что, кстати, вовсе не противоречит этимологии замечательного женского имени, то ли это аббревиатура полного наименования предмета производства: СВЕТовая ЛАМпа НАкаливания. В любом случае совпадение с именем единственной дочери генсека совершенно случайно.

Вот такие легенды о предприимчивости, о предпринимателях, о купцах, об истории, о нас и о нашем с вами городе...